

Трава после нас

Информация к размышлению: Купанское — посёлок торфодобытчиков, раскинувшийся на 291 гектаре живописной земли. Жителей 2125. Из них 1 400 живут в кирпичных сравнительно благоустроенных домах, около 800 — в деревянных старой и новой постройки, так называемый частный сектор. Девятьсот пенсионеров, 850 работоспособных (из них 120 безработных), детей около 350.

Посёлок лежал перед нами, плотно закутанный в белые снежные одеяла, начисто вылизанный метельным ветерком. Он казался сказочным и умиротворённым, погружённым в зимние грёзы, этот посёлок, стыдливо прячущий под пеленой снега свои житейские язвы и проблемы. Снег многое может скрыть — и брошенные стройки, и разбитые улицы, грязь и запустение... Пожилые люди ничего не скрывают.

Когда мы въехали в Купанское — очарование сказки постепенно растаяло. Нас встретила реальность — посёлок ещё жил, дышал, боролся за своё существование. Дымили трубы котельной торфопредприятия, торговали магазины, вырвавшись из застенков ОР-Са и пустившиеся в самостоятельное плавание по бурным рыночным водоворотам, кого-то куда-то перевозил кооператив «Вёкса», приватизированные мастерские комбината бытового обслуживания пытались оказывать населению какие-то услуги, купленная предпринимателем столовая посёлка в котле для средней семьи варила борщ, рассчитанный на таких, как мы, «заезжих», в школе ребяташки грызли гранит наук... Посёлок жил, но на всём вокруг словно бы лежала печать обречённости.

Незавидна нынче судьба селений, которые возникали вместе с крупным предприятием и навеки становятся его заложниками. Судьба навсегда повязала Купанское с торфопредприятием. В старые добрые времена, когда оно «на всю катушку» давало продукцию, не было семьи в посёлке, которая так или иначе не кормилась бы от его богатств. Тогда и жителей было побольше, едва ли не 3 000, про безработных люди только читали в центральной печати под рубрикой «Их образ жизни»; тогда торфодобытчики каждый год сдавали новосёлам по 18-квартирному благоустроенному дому, тогда предприятие одевало, кормило, обогревало и охраняло весь посёлок. Не было на столах купанцев особых деликатесов и разносолов, но, слава Богу, жили просто, но сытно — и казалось, этой жизни не будет конца. Торфопредприятие возвышалось над маленькими судьбами купанцев непоколебимым могучим гарантом если не счастливого, то сравнительно сносного будущего.

Информация к размышлению: если раньше площади, на которых добывался торф, составляли около полутора тысяч гектаров, то ныне они «съёжились» до 100 га мшаровского болота. В начале 80-х предприятие давало 400 тысяч тонн торфа в год, сегодня — около 30 тысяч. Два последних года торфа вообще не добывали...

Переход от социализма к капитализму не прост. Идеологи развитого социализма предупреждали: в рынке человек человеку — друг, товарищ и... волк. То есть, тонешь в рыночном море, ну и тони. Не умеешь выкарабкаться сам — никто руки не протянет. Когда по всем швам затрещала госплановская экономика, руководители торфопредприятия, хоть и подготовленные перестройкой, но всё ещё лелеяли себя тайной мыслишкой: не дадут «верха» погибнуть. Как так? Весь посёлок на нас... Люди. Не дадут?

Дадут... И уже дают. Это понимание пришло позже, когда время было упущено. Потому что два года торфа вообще не давали, только обеспечивали свои котельные, чтоб не замёрз посёлок. Во весь рост перед руководством торфопредприятия и рабочими стал единственный, ставший безальтернативным вопрос: как выжить?

Областное управление «Ярторф» — отец родной и кормилец — отвечало незатейливо: «Каждый выживает, как может». Теперь уже можно признать: Купанское торфопредприятие спасли тогда запасы — 100 тысяч тонн торфа. Предприятие его продавало, помаленьку давало людям крохотную, но всё же зарплату. Потом несколько десятков человек выставили за ворота. Оно лихорадочно искало выход, акционировалось, приватизировалось, пробовало «на зуб» рыночные отношения, настойчиво искало коммерческие связи, находило, обжигалось, снова искало... Весь посёлок со страхом и надеждой следил за отчаянной борьбой своего кормильца. Провалы, успехи и неудачи торфяников буквально на собственной шкуре ощущал почти каждый купанец, ибо предприятие — это тепло в доме, школе, больнице, это хлеб и дрова, это дороги, это магазины и кладбища. Это — жизнь.

Мы зашли в контору торфопредприятия после долгой и непростой беседы с руководством поселковой администрации. Пришли с полными блокнотами поселковых проблем с единственной целью: прояснить главную проблему — выстоит ли в рыночной схватке торфопредприятие.

Его директор Игорь Сергеевич Мартыненко, что называется, сходу выложил нам чисто рыночную историю. Одна московская богатенькая совместная фирма решила на производственных площадях Купанского торфопредприятия организовать ремонт... автомобильных шин. Дело, прямо скажем, далёкое от торфа, но эта затея позволяла бы предприятию не только хорошо «навариться», но и дополнительно создать 25—35 рабочих мест. (Не надо забывать, что за воротами стоят 120 безработных — бывших торфодобытчиков).

Фирмачи развернулись лихо. Завезли импортное оборудование на такие миллионы, которые директор только во сне видел — и сгнули. Вот уже год Мартыненко содержит, охраняет фирмачское несмонтированное оборудование, уже выложив на это 17 миллионов, а те и глаз не кажут. Что делать?

Впрочем, конечно же, попадают и порядочные фирмачи. Вот сейчас торфопредприятие развернулось с московской фирмой «Агропромстройматериалы» — делают складные металлические гаражи — типа ракушки (на снимке). Надвинул сверкающий гофрированный козырёк — и готово, вешай замок на гараж. За каждый фирмачи «отламывают» предприятию по 800 тысяч, а за сколько продают — это их, рыночное дело. Москвичи действуют солидно. Обещали — и завезли на 40 миллионов рублей многопрофильного металла. Сейчас вот начали вместе делать и обычные металлические гаражи «по ценам ниже рыночных». Тоже — заняты рабочие руки. Есть и ещё кое-какие «прибыльные» задумки. Только крутиться надо! Когда мы зашли — Игорь Сергеевич выбивал откуда-то болты для гаражей. Отдуваясь, пояснил:

— На один гараж 320 болтов идёт. Дело серьёзное...

А у нас, грешных, мысли о торфе. А Игорь Сергеевич скучнеет, когда мы о нём речь заводим. Торф — оно, конечно, надо. Но проблемы...

— Нужен торф вообще-то нам или нет?

— Да, нужен, конечно. Торф сейчас, особенно сельскохозяйственный, — дефицит. Мы хозяйствам района его чуть ли не стаканами отпускаем...

— Так в чём же дело? Почему вы так безбожно сокращаете его производство? Сельскому хозяйству без него ну никак нельзя!..

И тут выясняется, что на пути торфопроизводства — тьма проблем. Главная — отсутствие производственных площадей. Их отбирает Национальный парк, запрещают экологи, оберегают общества — там клюквенник, черничник или брусничник, там природный памятник, там редкие растения и так далее. Раньше площади выделял Совмин. На тебе полторы тысячи гектаров — и никто сунуться не мог! А теперь это целая проблема, увязающая в куче согласований от области до районных структур. Вот и ковыряем землю потихоньку, чтобы только себе и посёлку тепло обеспечить.

Наверное, оно так и есть. Сложнейшие проблемы, тут не поспоришь. Но нас так и не покинула после долгой беседы мыслишка, что Игорь Сергеевич не так уж рвётся эти проблемы

решать. Проще ведь гараж склепать. И деньги «крутятся», и рабочие места не пустуют. Да и болты, слава Богу, нашлись.

С рынком не поспоришь. С ним считаться приходится всем. Но бесспорна и другая истина. В регионах существуют специально и социально ориентированные предприятия на весьма определённое производство. На торф, к примеру, без которого сельскому хозяйству Переславщины ну никак не обойтись. Ведь не только Купанское сокращает добычу торфа, но и Берендеево, и Ивановское. Как бы не довести этот процесс до необратимого?

Повторяем, нас в первую голову интересовала судьба посёлка Купанское, его жителей, стариков и детей. Но как, да и кто возьмётся разделить, вернее, отделить судьбу торфопредприятия от судьбы посёлка?

Надо признать, торфопредприятие ещё несёт свой тяжкий крест по выполнению миссии радетеля и хозяина посёлка. Честно несёт. В ущерб производству и собственной перспективе. Несёт с каждодневной опаской, что подломятся ноги. Раньше-то на соцкультбыт государство «отстёгивало» предприятию хоть какие-то денежки. И на содержание жилья, и больницы, и дорог, и школы. А теперь это всё надо самим вытащить. Поселковая администрация может помочь в этом деле только морально. Посредством хорошо оформленного лозунга, к примеру. И то за оплатой художника к Мартыненко придёт.

Да, это тяжкий крест. И торфопредприятие ищет, на чьи плечи его свалить. И настойчиво ставит вопрос о передаче жилого фонда и соцкультбыта на баланс поселковой администрации. И этот процесс, что называется, пошёл. Где-то «наверху» его уже прорабатывают. И, возможно, решат. А на чей баланс передадутся судьбы сотен торфодобытчиков, из которых болота уже вытятянули все соки, тех, кто на пенсии или в безработных ходит? Из разговоров с пенсионерами мы выяснили, что торфопредприятие им уже давно ничем не помогает. Иной раз, правда, дровишки подвезёт. Притом за денежки. Вот такой вопрос возникает, на который в орбите купанских проблем ответ пока не вырисовывается.

А пенсионеры-торфодобытчики мрут и мрут. У них проблемы попроще да пожестче, и в пределах отдельно взятой человеческой судьбы, которая вдруг повернулась к ним, извините, задом.

Информация к размышлению: аппарат поселковой администрации — глава администрации, заместитель, секретарь, землеустроитель и пол-уборщицы (полставки, разумеется). Бюджет на прошлый год 38 601 тысячи рублей, исполнено — 108 788. Из бюджета «кормятся» — школа, больница, детский комбинат, сельский клуб. Служебный транспорт — 1 (один) велосипед.

Купанское родилось в 1936 году. И со дня своего рождения власть в посёлке ходила с протянутой рукой. Появлялись «судьбоносные» постановления ЦК КПСС и Совмина СССР о повышении роли местных Советов, об укреплении местной власти, а эта власть как стояла так и стоит с протянутой рукой на пороге. Сначала под красным стягом, потом под трёхцветным. И её бесправие и униженное положение запечатлевала гербовая печать — сначала с колосьями, а затем и с двуглавым орлом. Год за годом у многих поколений власть преержащих (всё тянет вставить слово власть в кавычки) атрофировалось чувство собственного достоинства и вырабатывалась психология просителя. Жалкая, в общем-то, психология. Мы ни в коем случае не желаем этим утверждением обидеть кого-либо. Бесспорно, что во властных структурах работало и работает немало порядочных людей, искренне болеющих за судьбу посёлка.

Но законы — вчерашние и сегодняшние — давали им всё — печать и почётный статус, право стоять на высоких трибунах, вешать флаг над крыльцом и так далее. Одного не давал никогда им закон — денег. А без денег — все эти почётные статусы — мишура, детские погремушки. Власть дают деньги, а денег в администрации никогда нет. А нет денег — значит, и нет ответственности за судьбу, за жизнь и бытие посёлка. Оболочка ответственности есть, а содержимое — в другом кармане. У торфопредприятия.

Мы беседовали с заместителем главы администрации Галиной Александровной Гаспарян, с главой Владимиром Ивановичем Осиповым, и не могли избавиться от душевного дискомфорта. Что бы они ни говорили, как бы печально значительно ни приподнимали свой статус — мы-то понимали, что решительно всё вокруг серьёзное, внушительное происходит без их участия. Рассыпался ОРС на торговые коммерческие точки, которые немедленно

стали неуправляемыми, столовая стала частной, и её никак нельзя «приручить» за ассортиментом, к примеру, никого нельзя обязать, чтоб он что-то исправил или починил. Два слова выходит из-под пера властных структур — просить, рекомендовать. Просить починить кран, подвезти в больницу хлеб, починить дорогу, отвезти на кладбище покойника.

Трудно понять: кому на Руси сегодня нужна такая власть, которую даже нельзя упрекнуть, что она не хочет что-то сделать для людей. Не может. Неужели это совсем не волнует тех, кто долгие годы в центре ведёт битву за толстые портфели? Да дайте им всем быстрее по портфелю, пусть сядут за работу, наконец, и осмыслят тот факт, что российская глубинка деградирует, что «властное безвластие» приводит к неверию в курс государства, а неверие порождает равнодушие или озлобление. Неужели это не ясно из итогов выборов? Ведь вот такие, кинутые на произвол судьбы посёлки и дали мандат доверия в руки «неистового Вольфовича»! Из 910 избирателей в Купанском, почти половина — 410 проголосовали за Жириновского! Неужели надо дожидаться президентских выборов, чтобы пришло полное понимание пагубности государственной политики унижения сельского жителя, маленьких российских поселений? Ведь никто не вмешивается, когда идёт покушение на судьбу целого посёлка. Когда-то «Красному эху» — ныне АО «Залесье» — было выгодно держать филиал в Купанском. А сегодня не выгодно — и 60 рабочих, поверивших «Красному эху», оказались на улице. Неужели даже моральной ответственности не несёт никто за сломанные судьбы десятков купанских рабочих? Что может вменить солидно акционированному В. П. Иванову, директору АО «Залесье», бесправный глава Купанской администрации? Только матюкнуть, да и то, чтоб никто не слышал.

Предприниматели, когда оперялись, много хорошего наговорили в этом кабинете, где ведём мы беседу с местной властью, о том, какие блага обрушатся на жителей посёлка, когда заработают коммерческие структуры. Кооператив «Вёкса», взявший на себя функции перевозки людей и грузов, быстро усёк, что это дело малоприбыльное, да и подзаялся лесозаготовками. У кооператоров затрещали карманы от сверхприбылей, а ощутил ли посёлок от них отдачу? Школа, где учатся дети кооператоров, больница, где их тоже лечат, клубы, где теплится огонёк культуры, дороги, по которым они катаются. Есть ли от них отдача за тепло, которым их обогревают, за воду, свет, которые они расходуют? Чёрта с два? Тут такие, традиционные для России явления, как меценатство, в зачаточном состоянии.

Мы представляем их лица, этих купанских нуворишей, когда из окон своих лимузинов они, давясь от смеха, наблюдают, как «пилит» на велосипеде по делам ответственный работник поселковой власти.

Не может поселковая власть взять с них за все блага, которыми те пользуются. За землю, на которой те возвели невиданные в этих краях дворцы с подземными коммуникациями, с водой, связью и теплом, за которые они так же будут платить, как и ошалевший от пляски цен нищий пенсионер. Не может! А почему? Кому это выгодно? Почему разные коммерческие и приватизированные предприятия пользуются всеми благами в посёлке, а налоги уходят на сторону? Почему часть из них не оставить здесь, где они жизненно необходимы? Неужели нет силы в районе, взявшей бы на себя смелость обязать все эти коммерческие фирмы — «Вёксы», «Руси» и прочие — на долевых принципах принять участие в содержании больниц, школ, клубов, жилищно-коммунального хозяйства?

Вопросы, на которые пока время не даёт ответа. И неизвестно, когда даст. И мы тоже, сознавая, что можно впрямь коммерческие структуры в поселковую телегу проблем, не видим, как это сделать, на какой законодательный фундамент «посадить» подобные властные решения. Ведь если торфопредприятие «спихнёт» на поссовет жилой сектор, коммунальные услуги и соцкультбыт, если коммерческие структуры делом и рублём не разделят заботы с поселковой властью, — Купанское умрёт. Сначала деградирует, обеспечив бегство работоспособного населения за лучшей долей, потом поумирают брошенные старушки, и от Купанского останется несколько «живых» домиков под крышами, да ржавые рельсы, оставшиеся от «первой в России частной железной дороги». И вот тогда и торфопредприятию придётся складывать руки на груди.

Надо признать, что кое-где мы, вероятно, сгустили краски. Слишком сильно впечатление от картины неуклонной деградации посёлка, который на Переславщине пользовался всеоб-

щей любовью.¹ Стоит ли доказывать силу этого впечатления, опирающегося на жуткую статистику: в прошлом году родилось в посёлке 10 человек, умерло 60. Подумайте сами над этими цифрами и найдите тогда процессу, идущему в Купанском, иное определение.

Когда-то посёлок кормил совхоз «Купанский». Кто сегодня делает это? Кто кормит? Мы имеем в виду не тех, кто торгует, а кто производит то, что люди едят. Торговля, как мы уже говорили, реорганизовалась. Нет ОРСа с его железной дисциплиной и ответственностью, есть куча магазинов, ныне товариществ с ограниченной ответственностью, настолько ограниченной, что её и под микроскопом не разглядеть. Когда мы говорим «кормит» — мы подразумеваем не «Баунти», коньяк «Наполеон» и соус «Анкл-Бенц». Мы имеем в виду мясо, молоко, яйца, хлеб.

Дорожка, по которой всё это попадает в посёлок, не изменилась. Только не совхоз нынче везёт мясо и молоко в посёлок, а частная агрофирма «Купанская», которой руководит Сергей Михайлович Бархатов. Нам не повезло. Так и не сумели мы отыскать хозяина «Вёксы» Е. А. Ануфриенко, не удалось поговорить нам и с директором агрофирмы. Заместители директора Виктор Михайлович Созин и Александр Викторович Воробьёв почище резидентов разведки охраняли тайны частной фирмы. Но тем не менее выяснить удалось главное: фирме очень трудно. Сегодня ни одно сельхозпредприятие просто не может выжить за счёт своей агродеятельности. Дикая цена на комбикорм, технику, горючее сжирают любую прибыль. Но Бархатов держится за счёт иных, «засекреченных» коммерческих операций, продолжая выполнять свою тяжкую миссию — кормить посёлок.

Из разговоров с купанцами мы уяснили, что и молоко здесь бывает, и мясо. Больница, школа и детский комбинат получают всё необходимое. Бархатов, купивший поселковую столовую и пивной бар, старается, чтоб борщ был с мясом, — мы это подтверждаем.

На фирме работают сегодня 50 человек. поголовье скота, по словам заместителей, сохранено. С птичьим, правда, хуже. Нет денег на корм. Яйца курицы-рябушки сегодня несут из-за этого поистине золотые. Поэтому оставили две тысячи несушек для собственных нужд — для своей рабочей столовой. Иными словами, агрофирма пока на плаву. Даже излишки имеются. Молоко, к примеру, фирма сдаёт Переславскому сыркомбинату по 240 рублей за литр. Загадка для второгодника: почему мы в своих магазинах покупаем молоко вдвое дороже? Кто так нагло и беззастенчиво лезет нам с вами в карман? Правильные ответы (а они все будут правильными) просим высылать в городскую и районную администрации в адрес служб защиты потребителей.

Повторим ещё раз. Пока частная агрофирма «Купанская» на плаву. А вдруг завтра вновь взлетят цены на мазут, бензин, комбикорма, вдруг фирма прогорит, разорится? Можно ли исключить в пору рынка такую вероятность? Кто тогда накормит посёлок? Нет ответа и на этот вопрос. И в первую очередь в поссовете. Глава поселковой администрации надеется на районную. Он не раз подчёркивал:

— Когда очень просим — Шопаров даёт деньги. (Х. С. Шопаров — глава районной администрации.) Убедится, что очень нужно, и даёт.

Да, мы тоже это знаем. Шопаров даёт. И Купанскому, и десяткам других деревень и сёл, которые оказались в подобном или даже в худшем положении. Но районный бюджет не резиновый. И его дефицит на сегодня уже исчисляется цифрой, начинающейся с миллиардной отметки. А проблемы-то в районе не уменьшаются. Наоборот, с каждым днём их становится всё больше...

Очень хотелось бы на более оптимистичной ноте закончить этот очерк. Вот почему мы сами задавали себе вопрос: стоит ли писать обо всех этих проблемах, о которых не только прекрасно знают в районной администрации, но и бьются каждодневно, чтоб хотя бы облегчить для людей их непомерную тяжесть? Но в этих сомнениях весомее был иной, чисто профессиональный вопрос: а что же молчать обо всём этом? После нас хоть и трава не расти?

¹ Автор ошибается. Посёлок не пользовался никакой любовью: в частности, его история была совершенно неизвестна переславцам. Никто никогда не собирался проявить свою любовь, например, хотя бы недельным субботником. В частности, редакция газеты «Коммунар», где опубликована эта статья, никогда не раздавала свою газету жителям Купанского бесплатно, тем самым проявляя любовь к посёлку. — *Ред.*

Нет, мы не случайно поднимаем этот вопрос после выборов в областную и сметную думы. Думайте, господа-товарищи, которым народ оказал доверие, как сделать, чтобы и после нас трава росла. Может быть, хватит ждать, пока из Москвы «спустят» очередной указ, который всё расставит по своим местам? Может быть, пришла пора решения на областном уровне? Может, настало время выработки своей, областной, районной программы, да не возрождения, чёрт побери, а спасения села? Разве это не повод для раздумий нашей местной думы, которую мы с вами избрали.

Ну, а чтоб лучше думалось, напомним вам. Просто напомним. В Купанском в прошлом году умерло 60 человек, а сыграно 8 свадеб...